

УДК 783.659
ББК 85.313 (0)
С 84
Сыченко Г.Б.

Кандидат искусствоведения, доцент кафедры этномузыкознания Новосибирской государственной консерватории им. М.И. Глинки, e-mail: sytchenko@mail.ru

**Шаманский музыкально-поэтический текст:
к определению понятия и сущности**
(Рецензирована)

Аннотация:

Рассматривается категория «шаманский текст», составляющая, по гипотезе автора, один из ключевых компонентов дихотомии «интонирование – текст», релевантной для бытования шаманской традиции. Цель работы заключается в определении специфики шаманского текста, выявлении его сущностных свойств, интерпретации указанной специфики. Научная значимость состоит в теоретическом осмыслении указанной категории, практическая ценность заключается в её использовании для интерпретации сложных и малопонятных ритуальных текстов. Отмечается, что любой элемент такого текста может выражать огромное количество содержащейся за его пределами информации, которая проявляется лишь в меру необходимости. Это позволяет объяснить кажущийся несвязный характер, закрытость, затемнённость содержания шаманских текстов. Обусловленность текста ходом обряда, характером обрядовой коммуникации и психофизиологическим состоянием проводящего его ритуального специалиста (так называемый шаманский транс или экстаз) определяют его насыщенность элементами-возгласами, междометиями, ономотопеями, ритуальными словами, магическими формулами, а также его конкретную композицию. В результате проведенного исследования установлено, что главным признаком шаманских текстов является высокая степень их имплицитности, то есть непроявленности, сокрытости смыслов. Кроме того, выявлена отличительная сущностная характеристика двух основных жанров шаманской традиции: песнопение определяется как «свёрнутый», камлание – как «развёрнутый» шаманский текст. Данные результаты имеют практическую ценность для исследователей, занимающихся изучением музыкально-ритуальных традиций.

Ключевые слова:

Шаманский музыкально-поэтический текст, имплицитность, шаманское песнопение, камлание.

Sychenko G.B.

Candidate of Art Science, Associate Professor of Department of Ethnomusicology of the Novosibirsk State Conservatoire named after M.I. Glinka, e-mail: sytchenko@mail.ru

Shaman musical poetical text: on definition and the essence

Abstract:

The paper is devoted to a definition of the shamanic text category, which is, in the author's opinion, one of the key components of the "intonation – text" dichotomy, relevant for shamanic cultures. The aim of the work is to define the specificity of shamanic text, to reveal its

essential features and then to interpret them. The scientific importance of work lies in theoretical clearing-up the specified category. The practical value is in its use for interpretation of complex and obscure ritual texts. Any element of such text can express a large number of information containing beyond its limits which is displayed only if needed. It allows us to explain the seeming incoherent character, closeness and opacity of the contents of shaman texts. The text is stipulated by the ceremony course, nature of ceremonial communication and a psychophysical condition of the expert who is carrying out the ritual (a so-called shaman trance or ecstasy). This determines its saturation by elements-exclamations, interjections, onomatopoeias, ritual words and magic formulas, as well as its specific composition. As a result of the conducted research it is established that the main sign of shaman texts is high degree of their implicity, i.e. a non-manifestation and a concealment of meanings. In addition, the distinctive intrinsic characteristic of two main genres of shaman tradition is revealed: a chant is defined as “folded” and the shaman’s ritual as the “unfolded” shaman text. These results are of practical value for the researchers who are engaged in studying musical and ritual traditions.

Keywords:

Shaman musical - poetic text, implicity, shaman’s chant, the shaman’s ritual.

Бытие шаманской традиции определяется действием дихотомии «интонирование – текст», введённой автором статьи и являющейся удобным инструментом её описания [1]. Категория «шаманского интонирования» уже анализировалась нами ранее довольно подробно [2]. Целью данной статьи является рассмотрение второго члена данной дихотомии. Под «шаманским текстом» (ШТ) нами понимается продукт шаманской деятельности, в частности, шаманского интонирования, в совокупном единстве его вербальной и музыкальной составляющих. Однако эта двуединая природа не всегда отражена в имеющихся публикациях. Большинство из них содержит только вербальный компонент, что явно недостаточно для понимания природы ШТ. Как правило, это образцы небольших размеров с однородным по составу строк строением, представляющие собой отрывки шаманских камланий или же записанные в не-обрядовой ситуации тексты молитв, призываний, обращений и т.п. Подобные тексты приведены в известном труде А.В. Анохина [3]. В некоторых публикациях проводится своего рода реконструкция традиции [4].

Комплексный музыкально-поэтический анализ шаманских текстов, записанных в момент совершения обряда, показывает, что они разительно отличаются от многих опубликованных собраний. По на-

шему мнению, именно они в полной мере демонстрируют специфику ШТ и должны изучаться первую очередь, если речь идёт о постижении их природы. При всей сложности эта задача выполнима, и в последнее время стали появляться публикации расшифровок текстов, исполненных во время реальных обрядов. Приводимый в статье нотный пример (фрагмент обряда, записанного от чалканской шаманки А.К. Кандаракковой) демонстрирует некоторые характерные черты ШТ, проявляющиеся в условиях обряда: закодированность информации, затемнённая смыслом, формульность, насыщенность возгласами и звукоподражаниями. Диалогическая природа коммуникации с патронажными силами шаманки выявилась лишь в результате анализа и вряд ли была понятна окружающим.

В качестве общих признаков ШТ можно назвать многократную повторность, смещение и размывание семантических и структурных границ, приобретение в определённые моменты обряда аморфности и рыхлости, несвязности и даже кажущейся алогичности. Это текст с принципиально «бесконечной» структурой, которая определяется только лишь ходом обряда и теми реалиями, с которыми сталкивается шаман во время своей ритуальной деятельности. В нём могут воплощаться визуальные образы, наблюдаемые шаманом, передаваться

«услышанные» им голоса духов, предсказывающие те или иные события и т.п.

В ШТ высок удельный вес сигнального интонирования, что проявляется в его насыщенности просодическими элементами — возгласами, междометиями, ономапеями и т.п., перепадах напряжённости, сопоставления разных типов интонирования на коротком отрезке текста. Довольно часто, находясь в состоянии транса или даже экстаза, шаман начинает пользоваться приёмами кодировки информации, которая для окружающих непонятна и намеренно закры-

та. Тем не менее, о делириумном характере текстов, произносимых шаманом даже в моменты наибольшей экзальтации, речь не идёт. Абсолютно все компоненты наиболее «нелогичных» с точки зрения обыденного восприятия текстов оправданы ходом обряда и обусловлены его развёрткой. Так, в приведённом ниже фрагменте шорского шаманского текста, записанного от В.О. Адьякова и переведённого Л.Н. Арбачаковой, отражён момент обращения шамана к пропавшей душе, состоящий из отдельных реплик, возгласов, формулы *кеен терерим*:

48.	<i>А-эй!</i> Көрза кеенчим!	<i>А-эй!</i> Взгляни-ка, мой прекрасный!
49.	<i>Э-эй!</i> Ақ кудумче қайдығ чергей айлан қалған?	<i>Э-эй!</i> Через мою светлую душу из каких земель ты вернулся?
50.	Эм полдына.	Ты здесь.
51.	<i>А-эй!</i> Уғлапкелип,	<i>А-эй!</i> Плача,
52.	<i>Э-эй!</i> Айлан келзең <i>кеен терерим</i> .	<i>Э-эй!</i> Ты вернись, <i>прекрасных соберу</i> .
53.	<i>Э-эй!</i> Миндоқ пола қабыл қалам.	<i>Э-эй!</i> Здесь оставшись, я схвачу.
54.	<i>А-эй!</i> Сейзең, сейзең!	<i>А-эй!</i> Вглядишь, вглядишь!
55.	<i>А-эй!</i> Келеберзең!	<i>А-эй!</i> Вернись!
56.	Сең кудунне тудубалчың, мен поларым.	Твою душу поймать я должен.

Многие свойства ШТ объясняются присутствующей им высокой степенью **имплицитности** [5; 6], когда за каждым элементом

текста скрывается гораздо больше содержания, нежели этот элемент выражает.

143. *А, о-о-о-ох! Аксыялуг!**А, о-о-о-ох! Аксыялуг!*144. *Шайы[к] иртема!**Шайык делаю!*145. *Алтын Таган, Ууай уоу!**Алтын Таган, Ууай уоу!*146. – *Ма, ма, ма, ма, ма, ма, ма, ма,*
ма!– *Ма, ма, ма, ма, ма, ма, ма, ма, ма!*147. *Ел-ло, ло, бо, бо, бо, бо, бо, бо, бо,*
*бо!**Ел-ло, ло, бо, бо, бо, бо, бо, бо, бо,*
бо!

Иногда ШТ становится как бы кратким конспектом себя самого – например, упоминается имя божества, но опускается его полное описание (в приведённом примере это Алтын-Таган), называется какой-то предмет или явление, но не раскрывается контекст и т.д. Все эти особенности проявляются в тем большей мере, чем проводимый обряд ближе к собственно шаманскому, что необходимо учитывать при изучении традиций, находящихся в состоянии угасания или сильной трансформации. Таким образом, собственно шаманским текстом является текст, реализованный в виде шаманского камлания. Это текст «бесконечной» или разомкнутой структуры. Обряд является той сильной позицией, в которой все свойства ШТ проявляются в полной мере. Однако весь шаманский репертуар можно представить как совокупность «конечных» и «бесконечных» текстов. К первым можно отнести отдельные небольшие завершённые тексты, которые часто определяют как шаманские песнопения, ко вторым – крупные тексты сквозной структуры, определяемые как шаманские камлания. Следует учитывать, что часть текстов ша-

манских песнопений, которые хранятся в рукописных архивах и чаще всего попадают в научные публикации, представляет собой самостоятельные произведения со своей внутренней жанровой дифференциацией: призывание и распускание духов, молитва, гимн и т.д. Нельзя исключать, что некоторые из них являются фрагментами, записанными вне обряда. При отсутствии текстологических комментариев их подлинный статус в шаманской традиции вряд ли может быть выявлен.

Шаманское песнопение можно рассматривать как своего рода модель для последующего её разворачивания в ходе конкретного камлания. Свой истинный облик шаманский текст воссоздает всякий раз, когда устраивается обряд. В обряде и происходит полная реализация потенциала, содержащегося в шаманском тексте. Таким образом, по нашему мнению, шаманские песнопения – это «свёрнутые» шаманские тексты, потенциально содержащие внутри себя возможности более полного раскрытия, шаманское камлание – это «развёрнутый» шаманский текст, в котором его потенциал реализован полностью и которые в силу этого являются несравненно более эффективными.

Примечания:

1. Сыченко Г.Б. О способе бытования шаманской традиции и инструментах ее описания // Проблемы музыкальной науки. Уфа, 2011. Вып. 1 (8). С. 195-199.
2. Sychenko G. «Shamanic Intonation» history and phenomenology of the concept // Perspectives on the song of the indigenous peoples of northern Eurasia: performance, genres, musical syntax, sound / ed. by J. Niemi. Tampere: Tampere University Press, 2009. P. 58-72.
3. Анохин А.В. Материалы по шаманству у алтайцев, собранные во время путешествий по Алтаю в 1910-1912 гг. Л.: Изд-во РАН, 1924.
4. Кенин-Лопсан М.Б. Обрядовая практика и фольклор тувинского шаманства: конец

XIX – начало XX в. Новосибирск: Наука, 1987.

5. Кудияров А.В. Художественно-стилевые традиции эпоса монголоязычных и тюркоязычных народов Сибири. М.: ИМЛИ РАН, 2002.
6. Макурова С.Р. Имплицитность, подтекст и лексико-морфологические категории // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. Филология и искусствоведение. Майкоп, 2013. № 4. С. 64-69.

References:

1. Sychenko G.B. A Mode of Existence and an Instrument of Description of the Oral Shamanic Tradition // Music Scholarship. Issue 1 (8). Ufa, 2011. P. 195–199.
2. Sychenko G. «Shamanic Intonation» history and phenomenology of the concept // Perspectives on the song of the indigenous peoples of northern Eurasia: performance, genres, musical syntax, sound / ed. by J. Niemi. Tampere: Tampere University Press, 2009. P. 58-72.
3. Anokhin A.V. Materials on the Shamanhood of the Altai, collected during the Journey in Altai in 1910-1912. Leningrad: RAS Press, 1924.
4. Kenin-Lopsan M.B. Ritual Practice and Folklore of the Tuvan Shamanhood: the end of the XIX – the beginning of the XX Century. Novosibirsk: Nauka, 1987.
5. Kudiyarov A.V. Art style traditions of the epos of the Mongol and Turkic speaking Peoples of Siberia. M.: IWL RAS Press, 2002.
6. Makerova S.R. Implicity, subtext and lexical and morphological categories // ASU Bulletin. Maikop, 2013. No. 4. P. 64-69.